

Л. Г. Степанова

ХЛЕБНЫЙ ВОПРОС И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

7

Рассматривается вопрос о продовольственной проблеме, существовавшей на территории Новгородской земли в течение XI–XVI вв. При постоянном дефиците хлебного бюджета Великому Новгороду удавалось сохранять свою политическую и экономическую независимость, обходиться без значительных закупок зерна. Моделирование бюджета крестьянского земледельческого хозяйства в Новгородской земле показывает, что при сложившихся условиях оно не могло опираться только на выращенный хлеб и собственную продукцию животноводства. На протяжении веков в рацион новгородских крестьян входили продукты питания, компенсирующие недостаток хлеба. Подобная приспособляемость к природным условиям помогала оптимизировать жизнь крестьянской семьи и свести к минимуму дефицит продовольственного бюджета на всей территории Новгородской земли.

This article deals with the issue of the food supply problems on the territory of the Novgorod land in the 11th-16th centuries. Despite permanent bread budget deficit, Veliky Novgorod managed to maintain political and economic independence and avoid purchasing significant amounts of grain. The reconstruction of a budget of a peasant agricultural farm shows that, in the then conditions, it could not rest solely on own-grown corn and livestock products in the Novgorod land. For centuries, peasant diet included products compensating for the shortage of bread. Such adaptability to environmental conditions helped optimise the life of peasant families and minimise the food budget deficit throughout the Novgorod land.

Ключевые слова: Новгородская земля, независимость, хлебный бюджет, крестьянское хозяйство, урожайность, дефицит, рацион питания.

Key words: Novgorod land, independence, bread budget, peasant farm, crop, deficit, diet.

О существовании во владениях Великого Новгорода проблемы с обеспечением его населения хлебом нам рассказывают русские летописи и берестяные грамоты. По мнению Н. И. Костомарова, до нашествия Батые на Южную Русь в XI, XII и отчасти XIII в. новгородцы получали хлеб с юга, вероятно, с Днепра. Он шел волоком до реки Ловати, а потом по Ильменю-озеру [1, с. 231]. Продовольственная проблема, связанная с недостатком хлеба, позволяла оказывать русским князьям на Новгород политическое давление [2, с. 21–22]. Сохранились свидетельства о настоящих торговых блокадах Новгорода. Первое из них относится к 1137 г. Тогда хлеб в Новгороде был очень дорог, поскольку русские князья запрещали своим купцам торговать с ним зерном [3, с. 14, 89]. В бе-

рестяной грамоте, датированной началом XII в., новгородец зовет своих родителей в Смоленск, где дешевле хлеб [4, с. 76]. В Новгород этот дешевый хлеб не везут, поскольку отношения с Вольным городом в это время не складываются.

Проблема с обеспечением хлебом в Новгородской земле усугубилась после монголо-татарского нашествия, когда изменились границы русских княжеств. В частности, произошедшее после нашествия расширение границ Тверского княжества привело к включению в его состав территории, прилегающей к Волге, что позволило тверскому князю Михаилу Ярославичу не только увеличить свои владения, но и взять под контроль торговые пути в Новгород, а потом устраивать хлебные блокады Вольному городу [5, с. 21]. В берестяной грамоте, относящейся к первой половине XIV в., некто Григорий зовет мать в Торжок и просит узнать по пути, пропускают ли рожь для новгородцев беспрепятственно [3, с. 329]. Через Торжок шла главная хлебная дорога в Новгород, и ее перекрытие в неурожайные годы приводило к большой дороговизне хлеба и голоду.

По мнению А.Л. Хорошкевич, до XV в. есть лишь косвенные данные о ввозе хлеба в Новгородскую землю в голодные годы из-за границы. В XII–XV вв. зерно с северо-востока Руси поставлялось через Новгородскую землю в страны Западной Европы либо приобреталось для собственных нужд [6, с. 5]. Исследовательница полагает, что в западной историографии преувеличена роль хлебного экспорта в Новгород [7, с. 329]. С точки зрения В.Б. Перхавко, в голодные годы происходили лишь отдельные спорадические случаи экспорта зерна из западноевропейских стран в Новгород. В урожайные годы хлеб в северные земли обычно поступал с юга Руси [8].

Продовольственную проблему Новгорода пытались использовать в своих целях и западные страны. Во время затяжного голода, поразившего всю Русь, ливонский орденмейстер в марте 1437 г. запретил экспорт хлеба из Прибалтики и объявил все заключенные с русскими сделки аннулированными. В 1443 г. такой запрет подтвердил ливонский гофмейстер. Сведения о новых поставках хлеба в Новгород из западных стран относятся уже к концу XV в. [7, с. 321–322]. Однако запреты на хлебную торговлю с Новгородом периодически снова возникали. Так, в 1524 и 1527 гг. Ливония, чтобы вынудить Василия III принять выгодные для нее условия договора, заставляла своих купцов не возить рожь на Русь [8].

Вопрос о том, могла ли Новгородская земля в конце XV – начале XVI в. прокормить себя собственным хлебом, в фундаментальном труде «Аграрная история Северо-Запада России» впервые поставили ленинградские историки. Сделав подсчеты на основе урожайности сам-4, они пришли к заключению, что своего хлеба Новгороду хватало. Выявленный недостаток зерна в 5 % для всего хлебного бюджета этой территории, по мнению исследователей, перекрывался крестьянскими хозяйствами на неучтенной подсеке. Поэтому хлеб в Новгородскую землю ввозился только в неурожайные годы [9, с. 348–349]. Однако взятый за базу уровень урожайности сам-4 подвергся критике со стороны Н.А. Горской и Л.В. Милова, как завышенный для указанного времени. Все дело в том, что авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», не имея

других сведений, обратились к данным конца XVI — начала XVII в., характерным для Центра Русского государства [10, с. 72]. При более низких показателях урожайности хлебный бюджет Новгородской земли оказался отрицательным для всех ее территорий [11, с. 89—90]. При урожайности сам-3 для покрытия зернового бюджета Новгородской земле не хватало трети собственного урожая, а при сам-2 [12, с. 124], которая признается более близкой к действительности [13, с. 124], ситуация складывалась просто катастрофическая.

Каким же образом Новгородской земле при таком постоянном дефиците хлебного бюджета удавалось сохранять свою политическую и экономическую независимость и обходиться без значительных закупок зерна в западных странах? Как нам представляется, ответы на эти вопросы следует искать в крестьянских хозяйствах. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» попытались смоделировать бюджет крестьянского хозяйства. Исследователи изначально исходили из низкой нормы потребления хлеба. При расчете бюджета крестьян Водской пятины они взяли за основу 15 пудов хлеба на душу населения и выявили определенные «остатки» зерна, которые были признаны условным показателем степени благосостояния крестьянского двора [9, с. 204]. Экономическое положение поместных крестьян в этой пятине было признано удовлетворительным, поскольку они располагали достаточными возможностями для ведения своего хозяйства. Но в то же время зерна в крестьянском хозяйстве было не так много, и любой урожай оказывался для него тяжким испытанием. Два неурожайных года подряд ставили крестьян на грань голодной смерти [там же, с. 207].

Еще более сложная ситуация складывалась в крестьянских хозяйствах Деревской пятины. При посеве 2,5 коробьи и выше полученного зерна хватало только на то, чтобы прокормить собственную семью и имеющийся скот. Такие крестьянские хозяйства, по подсчетам исследователей, составляли 40 %. При посеве от 5 коробей и выше зерна хватало и на собственное питание, и на фуражный корм скоту, и на покрытие всех платежей. Но таких хозяйств в этой пятине ленинградские ученые насчитали всего 3 % [там же, с. 109—111]. Если же за основу взять норму потребления, которую авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» использовали при расчете крестьянских бюджетов в остальных новгородских пятинах (20 пудов на едока), зерновой баланс оказывается отрицательным почти у всех крестьян Деревской пятины, кроме небольшой группы, сеявшей более 5 коробей ржи в поле. По мнению исследователей, небольшие размеры пашни у крестьян данной пятины и явная нехватка зерна для потребления заставляют предположить более широкое, нежели в других пятинах, распространение в этих местах подсеки. Однако при более низкой урожайности и при таких же нормах расхода зерновой баланс крестьянских хозяйств получается отрицательным во всех новгородских пятинах. Такой недостаток хлеба в крестьянском бюджете подсекой уже не объяснишь. В противном случае мы должны уже говорить о повсеместном применении подсечной системы земледелия в то время, когда здесь уже господствовала паровая. Подсека как элемент северной агрикультуры могла лишь дополнять парозерновую систему, помогая расширять площади пахотных земель [14, с. 39].

Есть и значительные расхождения в оценке нормы потребления хлеба в крестьянской семье в различные века. Традиционно для XVIII в. норма потребления хлеба исчислялась выше — от 18 до 24 пудов на человека, но в эту норму входил и расход зерна, предназначенного для подкормки скота. При самом лучшем раскладе норма потребления на одного едока в крестьянской семье снижалась до 16 пудов [15, с. 386—389]. В 30-х гг. XVIII в. норма потребления в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря составляла 12 пудов зерновых на человека [16, с. 352—353]. Такой же точки зрения придерживался Л. В. Милов, который полагал, что на питание полного едока русский крестьянин обычно оставлял 12 пудов зерна в год [17, с. 80].

10

Все вышесказанное свидетельствует только об одном: при небольших урожаях в Новгородской земле норма потребления хлеба в крестьянских семьях в XV—XVI вв. была ниже, чем в последующие столетия. Каким же образом новгородскому крестьянину удавалось компенсировать недостаток хлеба в питании? Судя по запасам сена, зафиксированным в новгородских писцовых книгах, продукция животноводства не была основой поддержания бюджета новгородского крестьянина [18, с. 80; 19, с. 11; 20, с. 5—8]. Бюджет крестьянского земледельческого хозяйства в Новгородской земле при сложившихся условиях не мог опираться только на выращенный хлеб и продукцию животноводства, полученную на собственном подворье, и речь в данном случае нужно, видимо, вести о потреблении крестьянами продуктов питания, компенсирующих этот недостаток. Для улучшения рациона русский крестьянин традиционно включал в него продукты огородничества, дары леса и реки. Однако они не могли полностью перекрыть дефицит зернового бюджета.

Несколько иная картина, связанная с компенсационными механизмами выживания северного крестьянина, проявляется при учете результатов исследования, проведенного А. Г. Гудковым. На базе данных исторических источников и этнографических материалов он реконструировал рацион питания крестьянской семьи, жившей в суровых северных природных условиях. Выяснилось, что доля хлеба в ее рационе была незначительной, а в финно-угорских селениях в питании зерновые могли и вовсе отсутствовать. Безусловно, жители Русского Севера имели в своем рационе продукты охоты и рыболовства, собирали грибы и ягоды, но компенсация недостатка хлеба на этой территории столетиями шла за счет дикорастущих хлебозаменителей, в частности водно-болотных растений, сосновой коры и исландского мха [21, с. 10, 19, 25].

По аналогии мы можем теперь говорить о подобных источниках компенсации недостатка хлеба в тех новгородских крестьянских хозяйствах, которые располагались на севере Новгородской земли — в Водской и Обонежской пятинах. На данной территории кроме славянского проживало финно-угорское население, имевшее свои хозяйственно-культурные традиции. Многие годы у него отмечалась устойчивость в употреблении определенных продуктов [22, с. 22; 23, с. 6—7; 24, с. 317]. Питание этих народов зависело от их хозяйственной деятельности и природной среды. Долгое совместное проживание привело к взаимовлиянию и введению в рацион тех продуктов, которые могли поддер-

жать бюджет крестьянской семьи при недостатке зерновых. Однако и в остальных пятинах Новгородской земли компенсация недостатка хлеба могла идти за счет добавления в питание его заменителей. Веками в России в неурожайные годы крестьяне употребляли в пищу растения, которые сейчас часто считаются непригодными для питания. При нехватке хлеба в муку подсыпались различные добавки, позволяющие компенсировать ее недостаток. Самой безбидной из них была трава лебеда, которая в XVIII в. еще называлась вторым хлебом. В северных губерниях практически постоянно в муку примешивали истолченную сосновую кору, в Архангельской губернии в хлебные лепешки добавляли корень травы вежки, который смешивали с хлебной мукой. И даже в более благоприятных для земледелия центральных губерниях России в ржаную муку клали пырейник, корни репейника, конопляные или льняные жмыхи [15, с. 359].

На Руси имелись существенные отличия в питании крестьян, которые зависели от природных и климатических условий местности [25, с. 287; 26, с. 354–397]. Источники компенсации дефицита продуктов питания в крестьянских хозяйствах Новгородской земли в XV–XVI вв. необходимо искать в окружающей природной среде, принимая во внимание хозяйственно-культурные обычаи населения. Историко-этнографическое изучение традиционной системы питания народов Северо-Запада России позволяет изменить наши представления об источниках пополнения крестьянского бюджета в предшествующие столетия и, учитывая этнокультурные особенности, реконструировать рацион крестьянской семьи, жившей на Северо-Западе.

Благодаря обилию находившихся рядом озер и рек крестьяне Новгородской земли в большей степени, чем на других территориях, питались рыбой и водными растениями. Как показывают этнографические данные, в неурожайные и голодные годы рацион крестьян дополняли дикорастущие растения, крапива, лесные травы, молодые проростки папоротника-орляка, хвоща полевого, семена пастушьей сумки, завязи кувшинок. В неурожайные годы при выпечке хлеба в муку подмешивали сосновую заболонь, мох, ячменную солому, толченую рыбу, клевер [27]. Многие добавки, включавшиеся в предшествующие столетия в рацион крестьян для компенсации недостатка продуктов питания, сейчас используются в народной медицине. Они входят в состав рецептов для лечения распространенных болезней [28]. Вековой народный опыт употребления в пищу хлебозаменяющих растений не забылся, из поколения в поколения передаются их лечебные свойства.

Подобная приспособляемость к природным условиям местности, на которых основывалось крестьянское хозяйство, помогала оптимизировать жизнь крестьянской семьи, выжить в неурожайные годы. Мощный потенциал природы Новгородского края помогал крестьянам в XV–XVI вв. сбалансировать свой рацион питания, укрепить бюджет семьи, создать резерв для пополнения хлебного баланса всего региона. Только при таком объяснении становится ясно, каким образом при низких урожаях, не ввозя зерно из других русских княжеств и стран Западной Европы, при явном дефиците своего хлебного баланса Новгородской земле удавалось сохранить свою экономическую и политическую независимость.

Список источников и литературы

1. Костомаров Н.И. Русская республика (севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.; Смоленск, 1994.
2. Данилова Л.В. Очерки по истории землевладельческого хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.
3. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Новгород, 2001.
4. Рыбина Е.А. Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 74–81.
5. Богданов С. В. Новгородская дорога на участке Волок (Ламский) – Торжок // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Новгород, 2006. Вып. 20. С. 211–214.
6. Хорошкевич А.Л. Особенности Новгорода как торгового центра Северо-Запада Руси в XII – начале XVI в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Новгород, 1996. С. 5–7.
7. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.
8. Перхавко В. Был ли хлеб всегда в достатке на Руси? // Мастерская историка. Отечественная история. URL: <http://his.1september.ru/2004/19/4.htm>
9. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971.
10. Горская Н.А., Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. №2. С. 66–85.
11. Степанова Л.Г. Роль зернового хозяйства Новгородской земли в складывании хлебного рынка России // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 86–90.
12. Степанова Л.Г. Урожайность зерновых культур в конце XV – начале XVI в. (по данным Новгородских писцовых книг) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2000. №5. С. 89–102.
13. Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX в. М., 2006.
14. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997.
15. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
16. Прокофьева Л.С. Хлебный бюджет крестьянских хозяйств в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 345–355.
17. Милов Л.В. Если говорить серьезно о частной собственности на землю... Россия: климат, земельные отношения и национальный характер // Свободная мысль. 1993. №2. С. 77–88.
18. Степанова Л.Г. К вопросу об имущественной дифференциации крестьянства в конце XV – начале XVI века (по данным новгородских писцовых книг) // Отечественная история. 2001. №4. С. 144–161.
19. Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий. М., 2004.
20. Степанова Л.Г. К вопросу о спорных единицах в русской метрологии: лук и обжа // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2007. С. 5–17.
21. Гудков А.Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
22. Покровский П. Пища карела // Вестник Олонецкого Губернского Земства. 1908. №4. С. 3.

23. Никольская Р. Ф. Карельская кухня. Петрозаводск, 1986.
24. Похлёбкин В. В. Национальные кухни наших народов. М., 2004.
25. Воронина Т. А. Рацион питания русских крестьян во время поста (XIX в.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, №6. С. 287–291.
26. Липинская В. А. Пища (XI–XX века) // Русские. М., 1997. С. 354–397.
27. Основа питания крестьян Карелии в конце XIX – начале XX века. URL: http://www.vottovaara.ru/karelia/kichen/food_karel_peasants.html
28. Семенцов А. Л. 2000 заговоров и рецептов народной медицины. М., 1997.

Об авторе

Лилия Геннадьевна Степанова – канд. ист. наук, доц., Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар.
E-mail: liliya_stepanova@list.ru

13

About author

Dr Liliya Stepanova, Associate Professor, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.
E-mail: liliya_stepanova@list.ru

УДК 947.071

М. М. Галанов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИЖСКОЙ ЦЕНЗУРЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

Впервые в российской историографии рассматриваются вопросы функционирования Рижской цензурной комиссии в годы царствования Павла I. Сделан вывод о преследовании произведений культуры, обладающих революционным духом.

For the first time in the Russian historiography, the issues of functioning of Riga censorship commission during Paul I's reign are considered. The author arrives at a conclusion about the prosecution of cultural works filled with revolutionary spirit.

Ключевые слова: таможня, цензура, цензурная комиссия, духовная цензура, генерал-прокурор, Святейший синод.

Key words: customs, censorship, censorship commission, spiritual censorship, prosecutor general, Holy Synod.

В центре внимания данной статьи находится возникновение и функционирование такого института, как цензура в годы царствования Павла I на материале деятельности Рижской цензуры. Главной причиной введения цензуры была борьба, которую вело самодержавие с революционными веяниями в конце XVIII в.